

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАМНЯХ-ВАЛУНАХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ

Разнообразные представления о камнях, бытующие в народе, до сих пор являются живой реальностью полевых фольклорно-этнографических исследований.

Предлагаемая работа ставит своей задачей обзор и систематизацию семиотических текстов, выработанных традиционной культурой по отношению к почитаемым камням как части системы мира. Предметом анализа стали смысловые единицы, описывающие изучаемое явление в каком-либо одном из аспектов. В системе фольклорных жанров эти смысловые единицы могут быть реализованы в текстах поверий, преданий, легенд, а также входить составной частью в другие жанры (сказки, былины, заговоры, духовные стихи и др.). Те же мотивы могут быть выражены и при помощи определенных форм поведения, за которыми стоят представления о мифологической природе камня.

Стоит уточнить, что в исследовательской литературе *камень* как объект мифологических общений выступает в двух ипостасях (в чем-то качественно сходных, а в чем-то и различных). Во-первых, это небольшие камни, которые легко перемещаются человеком или мифологическим персонажем (их бросают, роняют, прикладывают к чему-либо, используют в качестве амулета и вообще производят с ними множество манипуляций). Второй ипостасью является статичный массивный *валун*, лежащий на поверхности земли. Именно такие камни-валуны и есть объект нашего исследования.

В научной и краеведческой литературе ландшафтные объекты данного типа обычно называются *почитаемыми*, или *культовыми*, камнями. Однако мы считаем необходимым несколько конкретизировать данный термин. Дело в том, что имеется много камней, которые расцениваются окрестными жителями как *особенные*, но в то же время никаких ритуальных практик в отношении их не осуществляется, т.е. они не пользуются почитанием как таковым и тем более не являются объектами культа. "Особенные" камни просто выделены в ландшафте.

Начиная с XIX в. в российской науке наблюдался не ослабевающий интерес к теме почитаемых камней, и на настоящий момент для анализа накоплено большое количество фактологического материала. Библиография публикуемой статьи составляет более 250 пунктов. Кроме того, были использованы не опубликованные полевые записи И.И. Еремеева (СПб.), Е.М. Четиной (Пермь), И.М. Денисовой, А.В. Платова, Л.А. Тульцевой (Москва) и др. Определенная часть рассматриваемых культовых камней была лично (в совокупности) осмотрена авторами в ходе этнографических и археологических экспедиций 1994–2006 гг.

В рамках данной статьи нами рассмотрено около 400 объектов – камней и мегалитических комплексов, располагающихся в пределах европейской части России. В число рассматриваемых памятников не включены некоторые специфические типы мегалитов: лабиринты, сейды и др. Информация о большинстве рассмотренных камней актуальна только в пределах небольшой округи, т.е. камни являлись объектами, известными достаточно узкому кругу населения, проживающего на локальной территории.

Валентин Валентинович Виноградов – младший научный сотрудник Института истории искусств (Санкт-Петербург); e-mail: vvvinogradov@bk.ru

Дмитрий Вячеславович Громов – кандидат психологических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: gromovdv@mail.ru

Стоит сразу отметить, что во многих случаях то или иное сообщение можно отнести по нашей классификации сразу к нескольким категориям.

І. Физические особенности камней

Группа объединяет информацию о камне, характеризующую его с точки зрения внешнего облика или физических качеств.

І.1. Камни, обладающие особенными размерами. Часто достаточно большая величина валуна служит основной причиной выделения его из окружающего ландшафта. Так, "громадный валун" указывают возле д. Тарасенки (Смоленская обл., Велижский р-н) (Еремеев).

І.2. Камни, обладающие особенной формой. Камень может привлекать внимание особенностями своего внешнего вида (как естественными, так и искусственными) – формой (круглые, кубические, продолговатые, конические и др.), наличием особых характеристик (отверстий, следов обработки и др.). Так, возле д. Ольховец (Псковская обл., Куньинский р-н) указывали громадный валун с гладко отполированной поверхностью (Еремеев).

І.3. Камни, обладающие особым цветом. В название камня может входить та или иная цветовая характеристика (Шорин 1988). Наиболее широко представлены "синие" и "белые" камни, например, знаменитый Синий камень на Плещеевом оз. (Васильев 1968; Шиманская 2000: 7) и Белый камень около д. Подлесье Лужского р-на Ленинградской обл. (Курбатов 1995: 16). Иногда цветовая характеристика дается камню косвенно – он связывается с чем-то, имеющим вполне определенный цвет – так, например, Цыганский камень на Куликовом поле (Платов 2002: 119–122) и Вороньи камни (Псковская обл.) (Караев 1967).

І.4. Камни, отличающиеся своей температурой. Кроме отдельных внешних характеристик, валунам могли приписываться особые свойства, такие как заметно отличающаяся температура камня. Так, у д. Шельга (Республика Карелия, Медвежьегорский р-н) на одном из островов архипелага Триострова имеется камень, называемый местными жителями "Горячим" (Мельников 1998: 114). В Заонежье (близ с. Сенная губа) на берегу озерной протоки лежит камень, о котором говорят, будто изменение его температуры в конце лета ведет к общему похолоданию воды (Громов).

ІІ. Визуально-мифологические особенности камней

Данная группа признаков рассматривает культовые камни уже не столько с точки зрения их внешнего вида, сколько в мифологической связи с персонажами антропоморфными и зооморфными.

ІІ.1. Камни, внешним видом напоминающие живое существо или неодушевленный предмет. Внешний вид камня может отдаленно или явно напоминать фигуру человека, животного или очертания неодушевленного предмета. Этот факт может отображаться в названии камня; с таким "именем" [ср. V.1.3] могут как-то соотноситься фольклорные тексты и особенности поведения [ср. V–VI].

ІІ.1.1. Антропоморфные камни. Как окаменевшие люди расценивались камни Баш и Башиха (Тульская обл., Одоевский р-н) (Сахаров 1885: 171–172). В Кочёвском р-не Пермской обл. в местности, населенной коми-пермяками и русскими, известен камень, на одной из сторон которого просматриваются черты человеческого лица; сам камень называют "батюшка-камень" (Четина 2004).

В отдельную группу стоит выделить целый ряд продолговатых (и часто имеющих следы обработки) камней, которые расцениваются как "идолы". Так, например, "идолы" близ г. Палеха (Нижегородская обл.) и Шатуры (Московская обл.).

II.1.2. Зооморфные камни сопоставляются с представителями животного мира. Примером может быть Конь-камень близ Красивой мечи (Тульская обл.) (Левин 1984; Шавырин 1987) – колоссальный (в высоту около 3 м) валун, опирающийся на три меньших по размеру камня.

II.1.3. Камни, схожие с некими неодушевленными объектами. «Недалеко от села [с. Подберёжье, Новгородская обл.] ... "огромный" камень, известный у окрестного населения под именем "Колпак", с изображением какого-то знака в виде креста» (Порфиридов 1940: 116).

II.2. Камни со знаками на поверхности. Данная группа крайне многочисленна, причем часто наличие выемок, следов и рисунков на поверхности камня служит основным поводом для выделения его информантами как "особенного" [ср. III.10, V.1–V.2].

II.2.1. Камни со "следами". Большую группу составляют так называемые камни-следовики (Маланин 1989), на которых присутствуют выемки, оставленные неким мифологическим (библейским, фольклорно-историческим и др.) персонажем.

Чаще всего "след" представляет собой отпечаток ноги (ступни, копыта, лапы – [ср. V.2.1, V.2.4–V.2.7]) самого персонажа, но встречаются и отпечатки головы [ср. V.2.8], ладоней, мягкого места [ср. V.2.2]. Отпечаток может оставить животное, принадлежащее персонажу [ср. V.2.7 и др.], – осел Иисуса Христа, конь Георгия Победоносца, корова, принадлежащая святому. Это может быть также след от молнии [ср. V.5.6] или полученный вследствие конфликта [ср. V.2.9, V.6.1].

Первое историческое свидетельство о камне-следовике, располагающемся на территории нынешнего расселения восточных славян, принадлежит перу Геродота. Он пишет, что "в скале у реки Тираса [Днестра] местные жители показывают отпечаток ступни Геракла, похожий на след человеческой ноги длиной в два локтя" (Геродот: IV. 82).

II.2.2. Камни с рисунками и надписями. Один из ярчайших примеров камней с рисунками и надписями – два камня, расположенные на берегу р. Кокшеньги возле д. Тиуновской (Вологодская обл., Тарногский р-н) (Никитинский 1994).

II.3. Камни с "сидением". На окраине д. Фоминнаволока (Республика Карелия, Кондопожский р-н) лежит камень с чашевидным углублением правильной формы, дно которого отшлифовано; местные жители называют камень "ласточкино гнездо" (Мельников 1998: 112–113). Данный мотив перекликается с мотивом о персонаже, сидящем на камне [ср. V.2.2].

III. "Внутренние" свойства камней

Кроме ярко выраженных визуальных особенностей камней им присущи и некоторые "внутренние" признаки. В совокупности рассказы о "внутренних" свойствах камней складываются в обобщенную "биографию" камня как живого существа, рождающегося, проживающего жизнь и умирающего.

III.1. Одушевленные камни. Существует множество поверий о том, что в камне обитает некое одушевленное существо, или же сам камень может превращаться в такое существо. В "Житии святого Иринарха" (XVII в.) о Синь-камне (близ г. Переславль-Залесского) говорится: "...В нем же вселился демон, мечты творя и привлекая к себе ис Переславля людей: мужей и жен и детей их и рассевая сердца в праздник великих верховных апостолов Петра и Павла. И они слушаху его и стекахуся из году в год и творяху ему почесть..." (Житие... 1909: 26). Считалось, что Конь-камень с берегов Красивой мечи (Тульская обл.) по ночам действительно превращается в коня (Левин 1984).

III.2. Родившиеся камни. Е.М. Четина указывает в Кочёвском р-не Пермской обл. почитаемый камень, который "родился" сравнительно недавно и значительно вырос (Четина 2004).

Сюжет о рождении камня можно рассматривать как частный случай "мифов творения" – рассказов о том, как тот или иной валун возник, приобрел нынешнюю форму и занял свое место в ландшафте. Мы не выделили в рубрику разнообразные изложения "мифов творения"; к этой категории относятся легенды о том, как камень вырос [ср. III.4], приплыл [ср. III.7], упал [ср. III.8], был найден [ср. III.3] или положен [ср. III.3, V.3.2–V.3.3] на свое нынешнее место, о том, как превратился в камень тот или иной персонаж [ср. V.46 V.6.2], о возникновении на камнях разнообразных следов [ср. V.2].

III.3. Найденные и/или чудесно созданные камни. Рассказ о "возникновении" валуна может содержать упоминание о некоем человеке или группе лиц, которые обнаружили/создали его и сделали доступным для всех. По сообщению информанта, камень "Седло Ильи-пророка" "нашли около Иньвы в селе Архангельском, недалеко здесь. Весной берег промыло и его водой вымыло. Раньше на берегу часовня стояла маленькая – его там держали. А когда большую церковь в Архангельском выстроили каменную, туда перенесли" (Пермская обл.) (Четина 2004).

III.4. Растущие камни. Камни, несмотря на свое "постоянство" как мифологическое качество, растут. В разговоре об уже упомянутом большом камне в д. Камень (Новгородская обл., Любытинский р-н) собеседница сказала, что он стал еще больше – "камни ведь растут". В Белоруссии вообще бытует поверье, что камни растут подобно грибам и картофелю (Дучиц, Левков 1989: 56).

III.5. "Звучащие" камни. Наличие голоса (умения издавать звуки) у камня свидетельствует о его одушевленности [ср. III.1] или проживании в нем неких одушевленных существ [ср. V.3].

К "звучащим" валунам относится небольшая группа камней, издающих особый звук при ударе по ним. Например, на Колгострове (Республика Карелия, Медвежьегорский р-н), находится Звонкий камень, при ударе о который издается особый мелодичный звук. Примечательно, что традиция почитания этого камня сохранилась со времен саамов (колг – саам. "звонкий"), судя по найденной керамике, культ здесь существовал уже в III–II тысячелетиях до н.э.

III.6. Двигущиеся камни. Классическим примером сюжета может быть описание передвижений Синего камня, находящегося на берегу Плещеева оз.: начиная со времен Василия Шуйского он неоднократно "самостоятельно" менял свое местоположение (Шиманская 2000: 7). Бытует мнение, что Синий камень продолжает перемещаться относительно близлежащей береговой кромки.

III.7. Приплывшие камни. Особые мифологические свойства объекта подчеркиваются посредством чудесного события [ср. V.2]; в данном случае камень-валун проявляет качества, не свойственные его природе, – он может плавать по воде [ср. V.2.6]. Например, считалось, Киндяков камень близ д. Турьичево (Московская обл., Дмитровский р-н) приплыл вверх по течению речки Кимерши и занял свое место в день летнего солнцестояния (Золотов 1981).

III.8. Камни, упавшие с неба или положенные кем-либо. Камень может занять свое нынешнее место и упав с неба. Например, о камне "Седло Ильи-пророка" в с. Архангельское (Пермская обл.): "На территории церкви лежит камень; имеется поверье: когда во время грозы ехал Илья-пророк, ударила молния и он уронил камень" (Четина 2004). Падение камня с неба – распространенный фольклорный мотив. Однако в поверьях о камнях-валунах падение камня, как правило, предполагает наличие некоего деятеля, персонажа, который этот камень уронил или бросил (в приведенном выше примере это Илья-пророк). Поэтому к этой же категории мы относим случаи, когда камень оказывается принесен и оставлен тем или иным персонажем, как, например,

установка ряда камней близ Дивеево (Нижегородская обл.) приписывается Серафиму Саровскому (*Шеваренкова* 2003).

III.9. Камни, реагирующие на "неправильное" поведение людей. Нанесение вреда камню может повлечь за собой наказание провинившемуся человеку или группе лиц [ср. V.6].

Легенды рассказывают о неоднократных посягательствах на камни Баш и Башиха (Тульская обл., Одоевский р-н) и о наказаниях, которые понесли святотатцы; так, однажды, когда люди захотели выкопать из земли камни, те оказали сопротивление, все более углубляясь в землю, а затем, обидевшись, "начали метить: поля не плодородили, животные умирали, люди бедняли". Впоследствии, боясь потревожить камни, сельские даже не распахивали землю вокруг них (*Сахаров* 1885: 172).

III.10. Камни освящающие (святые). Камни могут освящать разнообразные объекты. Таков, например, камень близ д. Колмыково (Новгородская обл. Маловишерский р-н.): "Да-да-да... Вот наставят вады... в битончиках, там в чём-та. Всё эта принисут, паставят на камушик всё. И пака вот служба идёт, эта вадичка стаит. Патом, кагда уже мы все расходимся, эту вадичку забирают, наливают тут же там в ладошку... сколько-то там глаточков выпьют и патом нисут дамой" (*Виноградов, Щепанская* 2003). Культовые практики около святого камня как правило предполагают непосредственный контакт с ним: до камня надо коснуться рукой, стопой или сесть на него [ср. VI.2].

III.11. Камни, управляющие погодой. У камня в Кочёвском р-не Пермской обл. зафиксированы молебны о вызывании дождя: в 2001 г. «местные жительницы с иконами и бидонами с водой ему молились, кланялись и просили: "Батюшка-камень, дай нам дождя"» (*Четина* 2004). Охлаждение камня близ с. Сенная губа (Заонежье), по поверьям, ведет за собой похолодание и окончание лета (*Громов* 2006).

III.12. Разрушающиеся камни. Кроме своего рождения и роста камням приписывается и смерть, которая выражается в разрушении его структуры. Например, тема разрушения и собирания осколков камня у д. Колмыково занимает в современных рассказах о нем важное место (*Виноградов*).

IV. Топографические особенности размещения камней (пространственно-мифологический аспект)

Один из параметров, делающих камень "особенным", – его специфическое положение в ландшафте. Зачастую топография обуславливает и мифологическую семантику камня, вписанного в ландшафт (например, его связь с категорией пограничности).

IV.1. Камни – показатели иных (некогда существовавших) реалий. Камень – материал крепкий, долговечный – и в мифологических воззрениях символизирует, соответственно, крепость и долговечность. Ввиду этого камни могут выступать как свидетели (и маркеры) былого мироустройства. Так, у д. Логово (Смоленская обл., Велижский р-н) они лежали редко, "как по берегу древнего озера" (*Еремеев*).

Камни могут обозначать места исторических событий, происходивших в давние времена. Например, ряд валунов расценивается как надгробия на захоронениях времен войны, в частности, "нашествия литвы" (*Штырков* 2001) [ср. V.6.1].

IV.2. Камни у воды. В сообщениях о почитаемых камнях часто подчеркивается, что они располагаются рядом с водоемами (озерами, реками, ручьями) или болотами. К примеру, Киндяков камень близ д. Турьичево (Московская обл., Дмитровский р-н) находится у слияния трех потоков (при впадении двух ручьев в р. Кимершу); эта деталь отражена в местном названии урочища – Трояки (*Громов*, 1997).

IV.3. Камни, выступающие как маркер пространственного перехода (границы и/или дороги). Так, неподалеку от пос. Шапки (Ленинградская обл., Тосненский р-н) находился "рубежный дикий камень, на коем вырублено копыто" (*Курбатов* 1995: 32).

IV.4. Порожные камни. Камень как пограничный объект представлен традицией использования камней как порогов при входе в церкви и жилые дома. В д. Пожарье (Новгородская обл., Маловишерский р-н) от прежней часовни сохранился только плоский камень, который служил ступенькой при входе. Когда она разрушилась, то, храня традицию, на камень продолжали ставить пасхи в Святой день, считая, что тем самым освящают их (*Виноградов*).

V. Мифологические мотивы, связанные с камнями

Предыдущие группы признаков, по-разному включавшие камни в мифологизированный ландшафт, имели *визуальный* характер. В данной группе за основу берутся фольклорные мотивы, создающие *вербальный* план существования реалии.

V.1. Камни, связанные с персонажем, имеющим качественную (положительную/отрицательную) характеристику. Как уже говорилось выше [ср. II.2.2], привязка того или иного персонажа к камню предполагает определенную качественную окраску. Из общего массива информации выделяются следующие пункты.

V.1.1. Камни, связанные с "божественным" персонажем или святым: Богом, Иисусом Христом, апостолом, Богородицей, пророком Ильей, святыми Николаем, Параскевой Пятницей, Зосимой Соловецким, Александром Невским, Кириллом Белозерским, Александром Ошевенским, Нилом Столбенским, Никандром Городноозерским, Серафимом Саровским, "святой богиней" и др. Сюда же относятся камни, связанные с животным, либо принадлежащим перечисленным персонажам, либо делающим полезное действие [ср. II.2.1].

V.1.2. Камни, связанные с легендарными, историческими личностями, героями: богатырем (в частности Ильей Муромцем), Петром I, царицей, основателем ближней деревни.

V.1.3. Камни, связанные с "отрицательными" персонажами: бесом (бесами), чертом (чертями).

V.1.4. Камни, связанные с нейтральными персонажами: ребенком, женщиной (в том числе с ребенком), просто "человеком". Сюда же можно отнести краткие сообщения о "просто" следовиках, без уточнения.

V.1.5. Камни, связанные с персонажами, имеющими статус "чужих". Критерий "чуждости" может быть применен к представителям любой из перечисленных выше категорий: прежде всего как "чужие" воспринимаются "отрицательные" персонажи [ср. V.1.3], но, кроме того, – и все те, кто имеет статус "не людей" (в том числе божественные персонажи). Тем не менее мы считаем необходимым выделить эти случаи в отдельную категорию, иллюстрирующую лиминальность (пограничность) камней-валунов [ср. IV.3–4, VI.4]. "Чуждость" камней иногда проявляется через сопоставление их с этническими инородцами. Так, считалось, что почитаемые камни Баш и Башиха (Тульская обл., Одоевский р-н) носят имена татарина и его жены (*Сахаров* 1885: 172). Известен Цыган-камень (Цыганский камень) на Куликовом поле (Тульская обл.) (*Платов* 2002: 119–122).

Статус "чужого" мог присваиваться камню через сопоставление его с "нехорошим" животным; на западе Псковской обл. существуют, как минимум, три Вороньих камня (*Караев* 1967).

Действия, которые совершают и "священные", и "антисвященные" существа в отношении камней, – довольно сходны, что позволяет нам в некоторых случаях вставлять в одну классификационную группу и тех, и других. Другое дело, что особенности мифологического происхождения "следов" могут обуславливать как отношение местного населения к камню, так и его ритуальное "использование". Например, почитаемые камни несут себе только "божественные" отметины; местом проведения ритуальных

действий становятся в первую очередь камни, связанные с именами божественных персонажей (Бога, Христа, Богородицы) и святых. Видимо, поэтому есть и мотивы, специфичные исключительно для одной из этих групп, – таковы, например, легенды о молитве "священного" персонажа на камне [см. V.2.3].

V.2. Камни, на которых локализуется мифологический персонаж. Данная группа распространена крайне широко [ср. II.2.1]. Как мы уже говорили, способность оставить в камне след подчеркивает силу, высокий "нечеловеческий" статус персонажа.

V.2.1. Персонаж стоит на камне, часто – оставляет след. Примером фольклорного сюжета о "священном" персонаже может быть легенда, привязанная к валуну с серповидным углублением на вершине (Архангельская обл., Каргопольский р-н): Александр Ошевенский (вариант – Иисус Христос) предложил местным жителям провести здесь реку, а когда они отказались – наступил в гневе на камень и ударил по нему (*Шевелев* 1989: 63). Говорят, что след на камне близ д. Кокорино (Республика Карелия, Кемский р-н) оставил основатель деревни (*Мельников* 1998: 111).

Относительно следовика в д. Андрусово (Республика Карелия, Олонецкий р-н) "удалось зафиксировать следы существовавшей ранее легенды о Бесе, который во время пожара монастыря выскочил из него и горячей ступней оставил след на камне" (Там же). Д. Панозеро (Республика Карелия, Кемский р-н): след на камне своими горящими пятками оставил бес (Там же).

Как частные случаи варианта V.2.1 могут рассматриваться варианты V.2.3–V.2.7.

V.2.2. Персонаж сидит на камне. Местные жители считали, что во время падежа скота в окрестностях р. Красивой мечи на Конь-камне по ночам сидит "коровья смерть" в облике старухи (*Сахаров* 1851). На южном берегу Ошевенского оз. (Архангельская обл.) указывают камень, где "сидела русалка". О камне близ д. Зажигино (Архангельская обл., Каргопольский р-н): "В углублениях народная традиция видит отпечатки двух ног, пальцев рук и места, на котором святой сидел" (*Шевелев* 1989: 63).

V.2.3. Персонаж молится на камне. Следы на камне представляются свидетельством молитвы героя, часто подчеркивается, что эта молитва была услышана Богом. На камне рядом с д. Подол (Новгородская обл.) имеется цилиндрическая выемка; она почитается как след Богородицы, которая "спустилась с неба по березе и молилась на камне за грехи человеческие" (*Шорин* 1998).

V.2.4. След на камне – показатель пути Бога (святого). Персонаж, как правило, имеющий статус "священного", оставляет след на камне, проходя мимо. Думается, это в какой-то мере соотносится с легендами о "странствующем божестве" (*Пропи* 1998: 294). У д. Медведево (Тверская обл.) находился камень с изображением стопы; про него рассказывают, "что это Бог спустился на землю, наступил на камень и оставил след" (*Курбатов* 1998: 191).

V.2.5. Камни как маркеры переправы героя через воду. Камень либо парные камни (на двух берегах) показывают путь персонажа, когда он преодолевал водную преграду [ср. IV.2]. О камне-следовике у д. Виданы (Республика Карелия, Пряжинский р-н): "Виданчане считали, что след на камне образовался от прикосновения к нему ноги святого Николая, который некогда прогуливался в окрестностях их деревни. Переходя через реку, он наступил одной ногой на камень (где остался след) и перешагнул на другой берег с целью войти в часовню, носящую его имя" (*Мельников* 1998: 110).

V.2.6. Камни, на которых приплыл святой. Данный мотив объединяет в себе мотивы оставления персонажем следа-знамения [ср. V.2] (в частности, в пути – [ср. V.2.4]) и подвижности камня [ср. III.6].

В западном притворе собора Рождества Богородицы Антониева монастыря лежит камень, на котором якобы приплыл из Рима святой Антоний Римлянин (*Макаров* 1984).

V.2.7. Камни, на которых оставило след животное мифологического персонажа. У с. Ладва (Республика Карелия, Прионежский р-н) находился камень с изображением, которое местные жители определяют как "след коровы", связанной с каким-то христианским святым (с каким конкретно – не ясно): когда-то он гнал здесь коров [ср. V.2.4] (Мельников 1998: 111). На камне близ д. Будница (Смоленская обл., Велижский р-н) можно видеть след копыта коня святого Егория (Еремеев).

V.2.8. Камни, на которых остался след головы героя. Камень со следом от головы Ильи Муромца был в окрестностях д. Заволочье (Республика Карелия, Пудожский р-н): "Согласно местной легенде, углубление осталось после того, как Илья прилег на него отдохнуть" (Мельников 1998: 114).

V.2.9. Камни, на которых остался след в результате конфликта с другим камнем. И.П. Сахаров писал о камнях Баш и Башиха (Тульская обл., Одоевский р-н): "Когда-то рассердился Баш на Башиху и ударил ее сапогом. На камне Башихи осталась ступня" (Сахаров 1885: 172). Также причину происхождения "рубцов" на Башихе усматривали в том, что "Баш рубил Башиху топором" (Там же).

V.3. Мифологический персонаж или предмет локализуется под камнем. В славянской мифологии "место под камнем связано с потусторонним миром" (Левкиевская, Толстая 1999: 448–452).

V.3.1. Камни, под которыми живет демоническое существо. Легенда с таким мотивом существует о камне рядом с оз. Игорь (Новгородская обл., Хвойнинский р-н). Под этим камнем жил змей. Люди накормили его пирогами, где было много соли. Змей от жажды начал пить воду и лопнул (Шорин 1998: 223–224).

В сюжете об изгнании преподобным Арсением чертей из Конь-камня (Ладожское оз., о-в Коневец) говорится, что черти живут именно под камнем (Озерецковский 1989: 61).

V.3.2. Камни, под которыми похоронен некий персонаж. Поверья о могильном камне чрезвычайно распространены на Северо-Западе России. Камни на средневековых могильниках соотносятся местным населением со "старинными" погребениями. Иногда камень воспринимается как маркер могилы исторического персонажа. Н.Г. Порфиридов приводит среди нескольких сюжетов, касающихся одного и того же камня у с. Велебицы (Новгородская обл., Новгородский р-н), следующий: "Под камнем похоронены русские и татары, павшие в Шелонской битве, поэтому на камне высечены крест и луна" (Порфиридов 1940: 116).

V.3.3. Камни, под которыми зарыт клад. Данная мифологема может быть развернута в двух вариантах: во-первых, в виде поверья о том, что под камнем сохраняется старинный клад [ср. IV.1], во-вторых, как существенный фрагмент мифологического рассказа о добытии (недобытии) клада. О камне со знаками у с. Велебицы (Новгородская обл., Новгородский р-н): "В древности проходил русский князь с данью, опасаясь врагов. Он закопал богатства под камнем и приказал высечь на камне знак" (Там же).

Из наших записей: «Клад на Иванов день должен... Вот... Я ни знаю, это со слов, роднинский. Вот одна вишь пришла на камышик да говорит, што: "Под этим камышком есть кладишок". Клад. А ей показалсы змей с красным гребнем. Можит быть и клад, она... ни сумела ничиво, спугалась, убижала» (Новгородская обл., Любытинский р-н) (Пушицкий).

Во всех пунктах раздела V.3 камень-валун выступает как пограничный объект, своеобразная "дверь", разделяющая наземное пространство и "нижний", подземный мир [ср. VI. 4].

V.4. Камни, являющиеся окаменевшим мифологическим персонажем. Данное поверье тесно связано с мотивами об антропоморфных и зооморфных камнях [ср. II.2.1].

V.4.1. Окаменение персонажа как конец жизненного пути. Тульская обл.: "В незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великан в блестящей

одежде, на белом коне. В тоскливом раздумье смотрел он на реку, и потом бросился в воду, а одинокий конь его тут же окаменел. По ночам камень оживает, принимает образ коня, скачет по окрестным холмам и громко ржет" (*Афанасьев* 1994: 676).

V.4.2. Окаменение персонажа вследствие заклатья (проклятия). Возле д. Широ-ни (Смоленская обл., Велижский р-н) раньше были известны большие белые камни, сужающиеся кверху; говорят, что это люди, заклатьем превращенные в камни (*Еремеев*).

V.4.3. Окаменение расчлененного мифологического персонажа. О камне, находящемся на берегу протоки Кижских шхер (Онежское оз.), существует следующая легенда (она фиксировалась еще в начале XX в.): «Когда-то кто-то очень много на той стороне кричал, кричал и так просил о помощи, но никто эту помощь из местного населения не оказал... Когда, значит, помощи не оказали, она сказала: "Хорошо, что вы мне не оказали – я несла для вас большую беду". И она рассыпалась; якобы один камень, который там был, это якобы из того существа, которое несло большую беду» (подробнее о камне см.: *Громов* 2006) [ср. V.6.2. IV.2].

V.4.4. Окаменение героя после связи с демоническим персонажем. О камнях близ с. Шуньга (Республика Карелия, Межевьегорский р-н): «С двумя валунами связано предание о девушках, которые "присушили" водяного царя и превратились в камни. Они так и называются "камни-девки"» (*Мельников* 1998: 114).

V.4.5. Камни, являющиеся "тенью" похороненного под ними персонажа. Рассказывая о том, как были похоронены Баш и Башиха и как на их могилы издалика пришли два камня, И.П. Сахаров добавляет: "То были тени Башей, не пожелавшие расстаться с ними и по смерти" (*Сахаров* 1885: 172). Видимо, речь идет о таком широко известном в славянских мифологических представлениях явлении, как наличие у некоторых людей (например, колдунов) второй души (причем демонической) (*Левкиевская, Плотникова* 1999). Данный мотив можно рассматривать как частный случай поверий об одушевленности почитаемого камня [ср. III.1].

V.5. Камни, около которых происходят аномальные явления. Почитаемый валун воспринимается как локус с "особенными" свойствами [ср. II–III], связанный с мифологическими персонажами, причем нередко с "антисвященными" [ср. II.2, V.1]. Вследствие этого большое количество фольклорных сюжетов о валунах повествует об аномальных явлениях, имеющих место около камней; часто эти явления связаны с деятельностью "нечистой силы".

V.5.1. Камни, на которых черти пляшут (бегают). Черта часто видят около камня или на нем; данный мотив смыкается с рассказами о нахождении персонажа на камне [ср. V.1, V.2.7]. Рядом с д. Богтей (Смоленская обл., Велижский р-н) в урочище Баранова десятина лежал камень, и по нему "черти бегали" (*Еремеев*).

V.5.2. Камни, около которых "водит", на которые заводит. Оказавшись около камня, человек начинает плутать, причем часто именно вследствие того, что черти его "дурят": ему кажется, что он в одном месте, а оказывается в другом, контрастном кажущемуся. Подобные рассказы встречаются часто, например, они зафиксированы по отношению к камням около деревень Боровка, Городец, Долговицы, Никулино, Починки, Росно, Рубежник (Псковская обл., Куньенский р-н) (*Еремеев*). Необходимо отдельно упомянуть такой сюжет: в своем доме пьяный мужик принимает камень за печь, ложится на него спать, развешивает вещи, а утром просыпается на камне – это сго черти завели. Наиболее часто данный мотив встречается (судя по нашему опыту полевой работы) на юге Псковской, юго-западе Новгородской и северо-западе Смоленской областей (см. также: *Традиционный...* 2001).

V.5.3. Камни, возле которых "пугает" и "мерещится". Рядом с камнем у д. Долговицы (Псковская обл., Куньенский р-н) не только "водило", но и "пугало": "Говорят, там ночью женщина плачет и выходит к прохожим" (*Еремеев*).

V.5.5. Камни, являющиеся местом встречи с умершими людьми. Камень мог выступать как место встречи с умершими [ср. V.2.7]. Например, встретив в урочище Скала близ д. Козинцево (Псковская обл., Куньенский р-н) умершего человека, информант сидел с ним на камне, курил (*Еремеев*).

V.5.6. Камни, по которым бьет молния (гроза). У д. Антипово Псковской обл. находится Громовый камень, "названный так потому, что в него ударил гром" (*Александров* 1986: 37). Знаменитый Гром-камень, находящийся ныне под Медным всадником, называется так "потому, что громом, как сказывают жители Лахты, отбит у ононого один угол" (*Иванов* 1994: 29).

Видимо, данный мотив связан с известным сюжетом, когда Бог бьет по чертям молнией; камень – локус, где часто появляется черт [ср. V.3, V.5.3].

V.5.7. Камни, делающие животное невидимым. Камень может нести в себе зооморфные свойства, как-то связанные с его мифологической сущностью [ср. II.1.3, II.2.1, V.2.5]. Это, в свою очередь, может оказывать воздействие на животных [ср. V.5.7, VI.2.4, VI.3]. В таком аспекте любопытна информация о том, что у д. Шилово (Новгородская обл.) существует "камень с искусственными углублениями... с которым связано поверье о его способности делать диких зверей невидимыми, и тем самым спасать от преследования охотников" (*Шорин* 1998: 223).

V.5.8. Камни, являющиеся в вещем сне. "Рассказывают, что будто бы Баши (Тульская обл., Одоевский р-н) многим в сновидениях открывают повеление искать их помощи" (*Забылин* 1992: 86).

V.6. Камни – свидетели (участники, порождения) некоего конфликта. Многие из мотивов, перечисленных выше, можно представить как конфликтное действие; иногда этот конфликт оказывает влияние на возникновение или преобразование камня.

V.6.1. Камни, на которых некогда разыгрался конфликт. Таковы поверья о конфликте камней [ср. V.2.9], об ударе молнии о камень [ср. V.5.6], о камне как памятнике времен войны [ср. IV.1, V.3.2]. Возможно, мотив конфликта изначально присутствует в ряде сюжетов о возникновении следов – например, в упоминавшейся выше легенде о том, как Александр Ошевенский (в другом случае – Иисус Христос), рассердившись на жителей села, ударил по камню ногой (*Щевелев* 1989: 63). Здесь следует упомянуть и изученный А.А. Панченко сюжет о преследуемой Пятнице (Богородице) (*Панченко* 1998: 152–172).

К камням близ д. Будница (Смоленская обл., Велижский р-н) был привязан сюжет о победе святого Егория над змеем Цмоком (*Еремеев*). Видимо, мотив противоборства существовал и относительно подмосковного Киндяковского камня: на это указывает название ближайшей к нему церкви – "Чуда архангела Михаила в Конех", «ведь в легенде об этом "чуде" рассказывается (а также отображается на фресках и иконах) тоже о камне, который пробил своим железом архангел Михаил, пустивший в расселину бурный поток, коим язычники хотели потопить христианский храм» (*Золотов* 1981: 271).

V.6.2. Камни, являющиеся частью существа, расчлененного при конфликте. Выше уже упоминалась заонежская легенда о том, как распалось на части и окаменело некое существо, несшее угрозу людям [ср. V.4.3]. В этой легенде не присутствует описания конфликта как такового, однако в некоторых текстах расчленение и окаменение является именно следствием конфликта, причем расчленяющий удар, как правило, наносится "небесным" персонажем.

О почитаемых камнях на территории музея Коломенское (г. Москва) бытует поверье, будто они – останки змея, убитого Святым Георгием, или кишки, выпавшие из брюха коня Святого Георгия.

В Милославском р-не Рязанской обл. зафиксирована легенда о том, как некая женщина спасалась от преследования мужчины; она была спрятана пастухом, и удар молнии превратил всю группу в "синие камни" (Денисова 1996; 1998: 140).

VI. Продуцирующие свойства камней и обряды, производимые с ними

"Визуальные" [см. I, II, IV] и "вербальные" [см. V] характеристики камней необходимо дополнить "поведенческими" характеристиками. Статус того или иного валуна может быть подчеркнут определенными действиями людей. Другими словами, статус камня выражается посредством поведенческих реакций или особой ритуальной деятельности человека.

Можно выделить *три аспекта* включения камней в ритуальные действия людей.

Во-первых, они представляются средоточием продуцирующих сил и выступают в качестве благожелательных помощников (конечно, в случаях, если не выпущены мстить людям за непочтительное к себе отношение [ср. III.9]), причем иногда эта помощь предполагает своеобразную "плату" – жертвоприношение (обычно символическое). В ряде случаев сообщение о помощи камней сводится к достаточно общим утверждениям, однако обычно говорится о вполне конкретных функциях: целительстве, помощи в скотоводстве и пр. Во-вторых, камни являются маркерами перехода: либо пространственного [ср. IV, V.2–V.3, V5], либо в категориях "живое" – "неживое" [ср. V.3–5, VI.4.1–2]. В-третьих, камни выступают как место проведения праздничных гуляний молодежи [ср. VI.6].

Все перечисленные аспекты на определенном смысловом уровне могут смыкаться друг с другом.

В отношении ряда рассматриваемых нами камней, когда речь идет прежде всего о камнях, находящихся далеко за границами пространства человеческой деятельности (глубоко в лесу, на болоте и др.), вообще не осуществляются ритуальные практики.

VI.1. Камни, являющиеся покровителями местности. Поверья данной категории дают наиболее общую оценку камня как подателя благ, покровителя, защитника, причем эти функции камня проявляются по отношению к локальной местности. О камне "Седло Ильи-пророка" (с. Архангельское Пермской обл.): «Ареал почитания камня локализован в пределах села Архангельское – ранее богатого торгового села, стоявшего на "большой дороге" – жители которого связывают с ним своё благополучие: "Пока камень стоит, в Архангельском будут хорошо жить"» (Четина 2004).

Покровительство камня местности проявляется в покровительстве людям [III.10, VI.2] и животным [VI.3], управлении погодой [III.11], связи со святым-покровителем [V.1.1–V.1.2 и др.], маркировании границ [IV.3 и др.] и т.д.

VI.2. Камни, контакт с которыми благотворен. Согласно принципам контактиозной магии, прикосновение к какому-либо предмету придает прикоснувшемуся свойства этого предмета [ср. III.10]. Поскольку многие почитаемые камни являются священными реликвиями (освящены причастностью к ним божественных персонажей), то и многочисленные ритуальные действия, производимые с ними, предполагают именно приобщение, прикосновение, вступление с ними в контакт. Во многих случаях такое приобщение предполагает передачу человеку определенных свойств камня – его твердости, прочности, долговечности, неподвижности, неспособности чувствовать боль и т.д.

VI.2.1. Камни, контакт с которыми целебен. В ряде описаний лечебные свойства камней упоминаются без особой детализации. В других случаях присутствует указание на определенную "специализацию" в лечении болезней. Наиболее часто говорится об исцелении от глазных, зубных болезней, "лихорадок".

Данный пункт может рассматриваться как обобщающий по отношению к последующим вариантам – VI.2.2–VI.2.3 и др.

VI.2.2. От болезней лечат объекты, контактирующие с камнем. Ввиду широкой распространенности в отдельную группу стоит выделить поверья, по которым целебными свойствами обладает вода, скопившаяся в выемках камня или же специально вылитая на него и собранная. Также (хотя и значительно реже) для лечения болезней могут использоваться другие медиаторы, функционально близкие воде: мох, растущий на камне, земля или мелкие камушки, находящиеся рядом с ним. Например, о камнях Баш и Башиха (Тульская обл.) пишут: "Где берут землю, там образовалась большая яма. По народному убеждению, земля эта еще полезна для размножения скота и от порчи. Осколки от Башей почитаются врачеством от зубной боли" (*Забьлин* 1992: 86).

Иногда вода из лунок использовалась не для лечения какой-то конкретной болезни, а скорее как "общеоздоровительное" средство: "У нас камень был большой, и в том камню как следочки настопаны. Как дождь, мы туда бегали. У каждой своя луночка была, следочки такие, мылись. Одна девочка, у ей мама умерла, ейна следка была, из сйной, из маминой, и мылась. Мы так и плескались, а уже приговоров-то не было" (*Черепанова* 1996: 23).

VI.2.3. Камни, связанные с деторождением и детством. Камни могут быть связаны с определенными магическими действиями, направленными на здоровье маленьких (в том числе новорожденных) детей.

Под Некретимый камень рядом с д. Новинка (Новгородская обл.) закапывали детскую пуповину с тем, чтобы ребенок рос крепкий и здоровый (*Шорин* 1998: 220).

С детьми и детством были связаны ритуалы, осуществляющиеся в церкви Иоанна Предтечи на Боровицком холме в Москве; здесь, в специальном приделе, находилась чудотворная икона святого мученика Уара, считавшаяся целебной для детей, под ней лежал древний камень, на который "во время молебна матери клали спеленутых младенцев, а иные и двухгодовалых детсй" (*Кондратьев* 1996: 108; ср. *Цеханская* 2004: 69).

VI.2.4. Камни, использующиеся в скотоводческой магии. Камень, несущий на себе отметины мифологического животного (принадлежащего Богу или святым) [ср. П.2., V.1], мог активно использоваться в скотоводческой магии. Влага, взятая из копыта, помогала разведению животных: "Овечий следок, каровий слидок на этом камню. Высёчино ли – как оно там получилось. И вот там в этих следочках, там всё время держитца водичка. Да. И вот эту водичку... Вот, допустим у миня не видётца с овечкам – я с овечьёво следочка бутылочку этой водички брала. У ково ни видёца с коровушкой там – бирут оттуда с коровьёво следочка. Там я была у етова камышка. Я видила это" (*Виноградов* 2003).

Варианты VI.2.3 и VI.2.4 можно объединить, поскольку и в первом, и во втором случае речь идет о воспроизводстве, успешном рождении живых существ – детей и детенышей животных [также см. VI.3.], что свидетельствует о проявлении репродуктивных способностей камней.

VI.3. Камни, покровительствующие животным. Камень выступает как покровитель, защитник животных, что и обуславливает отношение к нему в животноводческих практиках.

Конь-камень на ладожском о-ве Коневец "получил свое прозвание от старожилых набережных обывателей потому, что каждое лето приносили они ему в жертву по лошади для сбережения их скота, который для корму перевозили они с берегу на остров и без пастуха оставляли его там на целое лето, по происшествии которого покидали одного коня на острове у камня в знак благодарности к невидимым жителям, кои по их мнению под камнем находились и скот их летом охраняли" (*Озерецковский* 1989: 60–61).

Об уже упомянутом выше камне у с. Ладва, на котором остался след коровы святого, читаем: "В конце XIX – начале XX века камень пользовался особым почитанием местных пастухов, которые обращали к нему молитвы, а прохожие просто крестились" (Мельников 1998: 111).

Камень может выступать и покровителем диких животных, как, например, упомянутый выше камень у д. Шилово (Новгородская обл.), способный спасать от преследований охотниками (Шорин 1998: 223).

VI.4. Камни, выступающие как маркер перехода "живые–неживые". Как говорилось выше [ср. IV.2–4, V], камень часто выступает как объект, маркирующий собой границу. Пограничность камня в мифологическом пространстве может исходить из общих суждений [ср. IV], а может реализовываться в ритуальной практике. Этот мотив в той или иной мере присутствует во многих текстах и ритуалах, связанных с камнями, – например, в цитированном выше поверье о том, что камень делает животных невидимыми. Другими словами, камень – своеобразный "порог" между разными состояниями объекта.

VI.4.1. Камни, маркирующие переход "живые – неживые". Камень выступает в качестве границы между "миром мертвых" (каковым является территория кладбища) и "миром живых". Соответственно он оказывается местом выполнения специальных обрядов перехода. «В нескольких соседствующих деревнях Лужского района (Ленинградская обл.) существовали камни, на которые ставили гроб для прощания с покойным, они лежали за околицей деревни. В д. Любитово такой камень назывался "Последний путь"» (Панченко 1998: 197). Похоронные процессии заворачивали к высокому камню-менгиру близ д. Гривки Локнянского р-на Псковской обл. (Александров 2000: 122).

VI.4.2. Камни, около которых происходит почитание похороненного здесь предка. Как говорилось выше [ср. V.3], широко распространены поверья о том, что под камнем похоронен некий персонаж. Это обуславливает вовлечение камня в обрядовость, связанную с почитанием предков. Рассказывая о почитании камней, под которыми якобы были похоронены легендарные Баш и Башиха, М. Забылин пишет, что поселяне "ходят кланяться камням, как бы на могилы усопших родственников" (Забылин 1992: 86).

VI.5. Камни, которым осуществляются приношения. "Особые" представления о камне могут быть выражены в виде особого рода подношений.

VI.5.1. Камни, которым осуществляются приношения календарного и окказионального характера. Наиболее показательные примеры жертвоприношения камням встречаются в материалах XIX в. и ранее. В статье упоминались легенды об осенних приношениях коня на о-ве Коневец и информация об обильных летних приношениях камням Баш и Башиха. В этнографических материалах нередко встречаются упоминания о жертвоприношениях деньгами (Курбатов 1995: 29; Лебедев 1987). Под Святой камень кидали монеты у д. Мартьяново (Псковская обл., Усвяцкий р-н) (Еремеев). Наиболее часто встречающийся обряд символического приношения – повязывание доскутов материи на деревья, кусты и колышки вокруг камня (Панченко 1998: 88–93).

VI.5.2. Камни, которым осуществляются приношения, связанные с перемещением в пространстве. В ряде случаев "жертвы" (иногда вполне определенные) подносятся при пространственном перемещении человека; иначе говоря, каждый проходящий мимо должен оставить у камня некий подарок. В районе д. Салконоволоок (Республика Карелия, Медвежьегорский р-н), в урочище Бор имеется так называемый Воронка камень (или "дедка Воронка"); около него до недавнего времени прохожие оставляли "пясточку" ягод (Мельников 1998: 114).

VI.6. Камни, являющиеся местом проведения гуляний. Иногда камни-валуны упоминаются в связи с описаниями молодежных гуляний. Возможно, в некоторых случаях

определенную роль играет то, что молодежные гуляния (иногда имеющие асоциальный оттенок) воспринимаются как "особое" явление в рамках повседневности.

VI.6.1. Камни, на которых (либо рядом с которыми) происходят гуляния молодежи. У д. Обод (Псковская обл.) лежал "синий камень"; рядом с ним на праздник Ивана Купалы молодежь устраивала пляски (Шорин 1998: 224).

VI.6.2. Камни, действия с которыми являются показателем силы. Об упомянутом нами выше "синем" камне у д. Вороново (Новгородская обл.) говорится, что он был центральным объектом состязания, в котором участвовало по шесть мужчин от каждой деревни. Победителем считалась та "команда", которая поднимала камень выше (Там же).

Стоит отметить, что поведение молодежи на гуляниях ассоциативно перекликается с поведением мифологических персонажей, традиционно связанным с камнями [ср. V.5.1-V.5.3]: эти персонажи танцуют, склонны к игровой деятельности, демонстрации силы.

VI.7. Камни – часть культового комплекса. Камень может быть составной частью (причем иногда центральной святыней) ритуального комплекса.

В почитаемом урочище "У Кресточка" (Новгородская обл., Маловишерский р-н) основным священным объектом считается родник со святой водой. На горе над ним стоит крест, давший название всему месту. Рядом с крестом лежит камень с выемками, куда богомольцы кладут монеты (Виноградов 2002).

Кроме того, камень может быть включен в церковную ограду (Четина 2004) или положен в основание церкви (Титов 2004: 33–34). Например, в последнее время усилилось почитание камня, лежащего у стены Успенского собора в Тихвине.

VI.8. Камни, исполняющие функции алтаря. Неоднократно высказывалось предположение, что в дохристианских культурах почитаемые камни играли роль алтаря (Жилко 2000). Такое предположение кажется вполне правомерным, тем более что в православии камни довольно часто используются для установления на них священных предметов, фактически, выполняя функцию алтаря. В качестве более древнего исторического примера можно привести встраивание языческого камня (даже не сдвинутого с места) в алтарную часть церкви Иоанна Предтечи на Боровицком холме в Москве (XI в.) (Забелин 1905: 62–63).

VI.9. Календарная приуроченность "особых" камней. В некоторых случаях ритуалы, совершаемые рядом с камнем, привязаны к какому-либо календарному празднику. Иногда, в случаях, если камень связан с именем какого-либо святого, почитание камня приурочивается к дню поминовения этого святого. Встречаются упоминания об обрядах, приуроченных к зимним, весенним, летним праздникам.

Таковы основные группы славянских поверий о камнях-валунах. Обозначим некоторые направления анализа этих поверий в рамках предложенной нами классификационной схемы.

Некоторые направления анализа

Важно не только классифицировать народные представления о камнях-валунах, но и хотя бы в самых общих чертах наметить *типологические параллели* в межкультурном (территориально-этническом), межжанровом и мифологическом планах.

Межкультурный анализ. Прежде всего необходимо отметить, что большинство поверий встречается не только на территории расселения славян, но и далеко за ее пределами. Причем параллели можно обнаружить и у народов, живущих в непосредственной близости от славян (например, у балтов), и у территориально отдаленных "родственников" индоевропейского корня (германцев, осетин и др.), и у народов, далеких от славян как этнически, так и территориально.

Например, в самых разных регионах Земли можно обнаружить камни-следовики, т.е. камни, на которых якобы оставил свой след персонаж, обладающий сверхчеловеческой силой (бог, святой, герой) (обзоры см.: *Varuch* 1907; *Маланин* 1989: 131–132).

Межжанровый анализ позволяет говорить о том, что в самых разных фольклорных жанрах встречается практически весь набор поверий о камнях-валунах.

А.А. Александров, рассматривая описания камней-валунов в славянских *сказках* (*Александров* 1986, 2000), указал целый ряд сюжетов, и все их можно обнаружить не только в сказочных текстах, но и в рассматриваемых нами поверьях. Камни в сказках – большие [ср. I.1], цветные [ср. I.3], плоские [ср. I.2]. Под камнями локализуются отрицательные персонажи [ср. V.3.1], там хранятся клады, ценные предметы, обитают волшебные помощники [ср. V.3.3], протекают водные потоки [ср. IV.2]. Камень выступает как маркер территориального перехода (в сказках предполагающего переход на "тот свет") – он может закрывать вход в подземный мир [ср. V.3] или находиться на пути у героя, на перекрестке или развилке [ср. IV.3]. На сказочном камне ("чертовом стуле") локализуются персонажи [ср. II.3, V.2]; например, в одном из текстов герой для исполнения желания сидит на камне и читает книгу. В сказочном камне может храниться душа черта, змея [ср. III.1]. В сказках под камень прячется представитель "нечистой силы"; божественные персонажи, находящиеся на небе, стараются поразить их молнией [ср. V.5.6, V.6].

В указателе сюжетов *заговоров* (*Кляус* 1997) камень упоминается почти 350 раз; сопоставление этой цифры с общим количеством использованных там же текстов позволяет говорить, что камень присутствует в 10–12% всех заговоров, причем чаще всего речь идет именно о камне-валуне. Не вдаваясь в подробный анализ данного материала, отметим только, что камень в заговорах имеет цвет [ср. I.3], температуру [ср. I.4], на камне [ср. V.2] или под камнем [ср. V.3] локализуются сакральные персонажи и предметы; камень раскалывается "небесным" божеством [ср. V.6] или ударом молнии [ср. V.5.6], используется как алтарь [ср. VI.8] и т.д.

Перечень жанров, содержащих сюжеты о камнях-валунах, можно продолжить. Это песни, былины, духовные стихи (например, стих о Голубиной книге), этиологические легенды, загадки, похоронные причитания и др. Валун со своим набором функций выступает как одна из констант, которыми оперирует общественное сознание.

Рассматривая символику камня в разных фольклорных жанрах, Е.Л. Демиденко отмечает ее *общефольклорный* характер: "Образ камня оказывается полифункциональным и является важным элементом во всей системе фольклорных жанров" (*Демиденко* 1987: 98).

Тексты разных фольклорных жанров позволяют выделить *единый массив поверий* о камнях-валунах. Причем каждый жанр в большей или меньшей полноте содержит весь этот массив. Что касается рассматриваемых нами поверий, то в них все сюжеты о камнях-валунах присутствуют очень полно, и только некоторые недостаточно ярко представленные мотивы реконструируются при помощи межжанрового и межкультурного анализа.

Мифологический анализ делается возможным при рассмотрении большого массива поверий о камнях-валунах при их сопоставлении с межкультурным и межжанровым материалом. Выше мы уже перечисляли ряд наиболее общих "мифологических" свойств камней: они *долговечны*, выступают как *маркеры нечеловеческой* силы, как *маркеры перехода*. Соответственно, эти мифологические свойства влекут за собой определенный набор сюжетов. В целом мифологические мотивы, касающиеся камней, устойчивы – некоторые из них фиксируются историческими документами начиная с XV–XVI вв.

Впрочем, некоторые мифологические качества камней-валунов с течением времени изменились. Так, известна общемировая практика включения почитаемых камней

в мифологему "центра мира" (*Элиаде* 1994). Видимо, эта практика существовала и у славян, о чем говорит, например, упоминание о камне как "центре мира" в славянских заговорах (*Шиндин* 1993); об этом свидетельствуют и археологические данные – так, Боровицкий камень находился в геометрическом центре первоначальной Москвы, над ним была построена первая московская церковь. В XIX–XXI вв. камни-валуны, напротив, вынесены на границу обжитого пространства – в лес, болото, на перекресток, берег реки. Причина такого изменения статуса очевидна: камень – это объект отвергнутого языческого культа.

Многие поверья и фольклорные мотивы о камнях-валунах встраиваются в единую схему, повторяющую собой так называемый *основной миф индоевропейцев* (*Иванов, Топоров* 1974). Иначе говоря, камень представляется как хтоническое (подземное) существо [ср. V.3], в противодействие с которым вступает небесный персонаж [ср. V.6]; поединок ведет за собой высвобождение неких скрытых благ. Данная идея высказывалась неоднократно, отмечалось, что "связанные с камнями мифологические персонажи могут быть соотнесены с Велесом и его... инкарнациями. Часть сюжетов восходит к первоначальному мифу о борьбе бога-громовержца с богом подземного мира" (*Александров* 1986: 39). Поверья о камнях, соответствующие схеме "основного мифа", встречаются и у других индоевропейских народов, например, у балтов. Так, в Литве (район Покрое) находится камень Чертово кресло, на котором, по легенде, сидел черт. Пяркунас пустил в него стрелу, которая, ударившись о камень, расколола его на две половины (*Tarasenka* 1958: 42–43).

Рассматривая поверья о почитаемых камнях-валунах как отголоски "основного мифа", мы не можем не сопоставить сам камень с Велесом – "скотским богом" [ср. VI.2.4, VI.3], дарующим плодородие [ср. VI.2.3], богатство [ср. V.3.3] и, видимо, связанным с миром мертвых [ср. V.5.5, VI.4]. В пользу этого говорит, например, наличие в Белоруссии большого количества почитаемых камней с соответствующими названиями: Волос, Волосень, Велес, Дед, Стары, След Волотовны (*Дучиц, Левков* 1989: 56). Существуют косвенные подтверждения этой связи, например, для каргопольских следовиков "отмечается микрорегиональная связь с топонимом Велесово поле и карстовой воронкой, которая тоже является объектом почитания" (*Щевелев* 1989: 64).

Неоднократно высказывалась идея о связи самого слова *валун* с именем Волоса/Велеса (ср. со славянскими историческими и фольклорными теонимами *Перун, Ярун, Белун*).

Итак, мы видим, что разнообразные поверья о камнях-валунах сводятся к достаточно ограниченному количеству типовых сюжетов. Эти сюжеты распространены на огромной территории, населенной народами, зачастую находящимися в весьма отдаленном родстве. Какова же причина такой распространенности? Каков **механизм воспроизводства** мифологических представлений?

Этот вопрос очень актуален, если учесть, что почитание камней, хоть и в меньшей степени, осуществляется до сих пор. Более того, появляются новые объекты, которые притягивают к себе традиционные фольклорные тексты и ритуальные практики.

Например, мы уже упоминали о камне в Кочёвском р-не Пермской обл.: он сравнительно недавно "родился" [ср. III.2], "растет" [ср. III.4], антропоморфен [ср. II.1.1], используется для совершения обрядовых действий [ср. VI] (*Четина* 2004).

Яркий пример камней-новоделов – валуны Дивий и Гусь, находящиеся в историческом парке Коломенское (г. Москва) (*Чигрин* 1991 и др.). Трудно с уверенностью сказать – были ли сами камни в древности объектами языческого культа, однако точно известно, что основной массив легенд о них складывался в 1960–2000-х годах. На настоящий момент эти камни притянули к себе чуть ли не все (!) поверья составленной нами классификации.

Ритуальные действия на "особых" камнях часто осовременены. Так, близ водопада Кивач в Карелии указывают камень, который якобы горяч на ощупь [ср. I.4] и обеспечивает способность к деторождению [ср. VI.2.3]. Происхождение этих поверий становится понятным, если взглянуть на сам камень – дело в том, что на нем удобнее всего фотографироваться на фоне водопада. Это – "свадебная достопримечательность", которую посещают молодожены из близлежащих городов – Кондопоги и Петрозаводска. Возможно, кто-то из местных фотографов и стал "родоначальником" традиции; при этом необходимо подчеркнуть, что "авторская" выдумка, основанная на традиционных сюжетах, оказалась жизнеспособной и прижилась у местной молодежи.

Нам кажется, при описании механизма воспроизводства народных представлений о камнях следует учитывать несколько факторов.

Во-первых, широкая распространенность мифологических представлений и ритуалов, связанных с камнями-валунами, несомненно, предполагает их глубокую древность и наличие длительной традиции.

Во-вторых, воспроизводство поверий во многом поддерживается православными традициями. Нам представляется вполне справедливым мнение Н.А. Макарова о влиянии на русскую традицию палестинского и византийского камнепочитания (Макаров 1984: 209–210). Несомненно, наличие в Святой земле культовых камней позволяло ввести камни в христианскую культовую традицию русских. Наличие межтерриториальных связей (через паломничество, странничество, миграции и т.д.) позволяло знакомиться с мифологическими и ритуальными традициями, бытующими на других территориях.

В-третьих, поверья о камнях могли передаваться посредством фольклора (песни, заговоры и т.д.) – ведь в произведениях фольклора содержался все тот же типовой набор сюжетов.

В-четвертых, в последние годы появилось достаточно много популярных (исторических, краеведческих и т.д.) публикаций о камнепочитании, что является существенным фактором воспроизводства поверий, особенно среди городского населения.

Как показывает детальный анализ, перечисленные выше механизмы воспроизводства поверий о камнях-валунах вряд ли можно признать *исчерпывающими* по отношению к данным камням-новоделам. По-видимому, наиболее правильным будет "вынести за скобки" еще один фактор – некие механизмы, которые в настоящее время часто сводят к расплывчатому понятию *архетип*.

Литература

- Александров 1986 – Александров А.А. Культовые камни в сказках // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Кр. тез. докл. в науч.-практ. конф. Псков, 1986. С. 37–39.
- Александров 2000 – Александров А.А. Волшебные камни в народных сказках // Отечество: краеведческий альманах. 2000. Вып. 18. С. 117–125.
- Афанасьев 1994 – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1994.
- Васильев 1968 – Васильев С.Д. Памятники истории в окрестностях Переславля-Залесского. Ярославль, 1968.
- Виноградов – Полевые записи В.В. Виноградова. 1999–2005 гг.
- Виноградов 2002 – Виноградов В.В. Почитаемые места северо-востока Новгородской земли // Новгородский архивный вестн. Великий Новгород, 2002. № 3. С. 95–112.
- Виноградов 2003 – Виноградов В.В. "...Святая вода была в этом копытце" // Теория и методология арханки: I. Стратиграфия культуры; II. Что такое арханка? Вып. 3. СПб., 2003. С. 137–142.
- Виноградов, Щепанская 2003 – Полевые записи В.В. Виноградова, Т.Б. Щепанской. 2003 г.
- Геродот – Геродот. История. IV. 82.
- Громов 1997 – Полевые записи Д.В. Громова. 1997 г.

- Громов 2006 – Громов Д.В. Холодный камень Ильи-пророка // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М., 2006.
- Демиденко 1987 – Демиденко Е.Л. Значение и функции общешофольклорного образа камня // Русский фольклор. Т. XXIV: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. С. 85–98.
- Денисова 1996 – Полевые записи И.М. Денисовой. 1996 г.
- Денисова 1998 – Денисова И.М. Ритуальная одежда троичского обрядового цикла // Этнос и религия. М., 1998.
- Дуциц, Левков 1989 – Дуциц Л.В., Левков Э.А. Валун как объект поклонения у белорусов // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1989.
- Еремеев – Полевые записи И.И. Еремеева. 1992–1995 гг.
- Жилко 2000 – Жилко А.Э. Как найти Алатырь-камень // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 9. 2000. С. 90–121.
- Житие... 1909 – Житие преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря. СПб., 1909.
- Забелин 1905 – Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905.
- Забьлин 1992 – Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Сост. М. Забылин. Иркутск, 1992.
- Золотов 1981 – Золотов Ю.М. Остатки древнего святилища на реке Кимерше // Балто-славянские исследования. 1980 г. М., 1981. С. 269–274.
- Иванов 1994 – Иванов Г.И. Камень-Гром. СПб., 1994.
- Иванов, Топоров 1974 – Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- Караев 1967 – Караев Г.Н. К Вороньему камню. Л., 1967.
- Кляус 1997 – Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.
- Кондратьев 1996 – Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1996.
- Курбатов 1995 – Курбатов А.В. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапишин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2: Восточные и северные районы. СПб., 1995. С. 179–193.
- Курбатов 1998 – Курбатов А.В. Историко-культурные валуны Тверской области // Тверской сб. Тверь, 1998. С. 91–104.
- Лебедев 1987 – Лебедев Г.С. Памятники урочища "Священка" на оз. Врево в верхнем Полужье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987. С. 67–68.
- Левин 1984 – Левин А.А. Конь-камень // Памятники Отечества. 1984. № 1.
- Левкиевская, Плотникова 1999 – Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А. Двоелушники // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 29–31.
- Левкиевская, Толстая 1999 – Левкиевская Е.Е., Толстая С.М. Камень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. С. 448–452.
- Макаров 1984 – Макаров Н.А. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сб. Л., 1984. Вып. 2(12). С. 203–210.
- Маланин 1989 – Маланин И.Д. Следовики // Памятники Отечества. 1989. Вып. 19. С. 130–134.
- Мельников 1998 – Мельников И.В. Святилища древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск, 1998.
- Никитинский 1994 – Никитинский И.Ф. Тиуновское святилище // Культура Русского Севера. Вологда, 1994. С. 29–61.
- Озерецковский 1989 – Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.
- Панченко 1998 – Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
- Платов 2002 – Платов А. Новые данные по мегалитам Русской равнины // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 11. М., 2002. С. 119–122.
- Порфиридов 1940 – Порфиридов Н.Г. Камни с изображениями и знаками // Новгородский исторический сб. Вып. 7. Новгород, 1940.
- Пропп 1998 – Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998.

- Пушницкий* – Полевые записи С.А. Пушницкого.
- Сахаров 1851* – *Сахаров И.П.* Памятники Тульской губернии. СПб., 1851.
- Сахаров 1885* – *Сахаров И.П.* Сказания русского народа собранные И.П. Сахаровым. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб., 1885.
- Титов 2004* – *Титов К.* Освящение часовни в Челохово // *Гуслицы: Историко-краеведческий альманах*. Вып. 1: Ильинский погост, 2004. С. 33–34.
- Традиционный... – Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 г.). СПб., 2001.
- Тульцева* – Полевые записи Л.А. Тульцевой.
- Цеханская 2004* – *Цеханская К.В.* Иконопочитание в русской традиционной культуре. М., 2004.
- Черепанова 1996* – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996.
- Четина 2004* – *Четина Е.М.* Моленис у "живого камня": традиции почитания камней на севере Прикамья: Докл. на конф. "Славянская традиционная культура и современный мир: проблемы развития и актуализации традиции" (19–21 мая 2004 г.). Рукопись.
- Чигрин 1987* – *Чигрин А.С.* Камень, дающий жизнь // *Московский журнал*. 1991. № 6. С. 36–38.
- Шавырин 1987* – *Шавырин В.Н.* Муравский шлях. Тула, 1987.
- Шеваренкова 2003* – *Шеваренкова Ю.М.* Камни Серафима Саровского в Нижегородском крае // *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. Вып. 2. М., 2003. С. 254–257.
- Шиманская 2000* – Монастыри и храмы земли Ярославской: Краткая иллюстрированная энциклопедия: В 3-х т. / Авт.-сост. М. Шиманская, С. Метелица; ред. Л. Шаматанова. Т. 1. Ярославль; Рыбинск, 2000.
- Шиндин 1993* – *Шиндин С.Г.* Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор*. М., 1993. С. 108–127.
- Шорин 1988* – *Шорин М.В.* О цветовой символике в связи с интерпретацией культовых камней // *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. Новгород, 1988. С. 94–97.
- Шорин 1998* – *Шорин М.В.* Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // *Археологические вести*. 1996–1997. № 5. СПб., 1998. С. 119–220.
- Штырков 2001* – *Штырков С.А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины). Дис. ... к.и.н. М., 2001.
- Щевелев 1989* – *Щевелев В.В.* О камнях-следовиках близ г. Каргополя // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.-практ. конф.* Псков, 1989. С. 63–65.
- Элиаде 1994* – *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.
- Varuch 1907* – *Varuch M.* *Boze stopki*. W-wa, 1907.
- Tarasenka 1958* – *Tarasenka P.* *Pėdes akmenyjc*. Vilnius, 1958. С. 42–43.

V.V. Vinogradov, D.V. Gromov. Perceptions of Boulder Stones in Russian Traditional Culture

The article is a review and analysis of semiotic texts worked out in the context of Russian traditional culture and reflecting attitudes towards boulder stones. The authors draw parallels between the studied texts from the ethnic/territorial, genre, and mythological perspectives. They argue that, according to the results of their analysis, there exists a certain, and rather limited, set of mythological notions associated with boulder stones, and that set can be found not only among Russians but among other peoples as well.